УДК 81'11
UDC 81'11

Бурыкин Алексей Алексеевич
Институт лингвистических исследований
Российская Академия Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Alexis A. Burykin
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
St-Petersburg, Russian Federation
albury@mail.ru

**МИРРА ВЕНИАМИНОВНА ГОРДИНА.
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ЛИНЗУ ВРЕМЕНИ
MIRRA V. GORDINA.
A GLANCE THROUGH THE TIME LENS**

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_1_95_104

*И когда по ночному тракту
Я отправлюсь к себе домой,
Колыбельную на три такта
Мне вдогонку негромко спой
(А. Городницкий. Колыбельная на три такта)*

Очень трудно даже определить некоторые понятия... Кем нам – коллегам независимо от возраста – приходится те преподаватели университета, которые не вели у нас систематических курсов, у кого мы не писали курсовых и дипломных работ («А все-таки жаль..», как сказал один поэт), не проходили аспирантуру... Учителя – да, пожалуй, с этим не поспоришь, да и надо считать за честь. Но такие люди – не только учителя, это те коллеги, педагоги и учёные, кто в продолжение нескольких десятков лет был рядом, с кем можно было встречаться, общаться, обмениваться мнениями, консультироваться. И это длилось – незаметно, постоянно – на протяжении более сорока лет. И вдруг – и всегда неожиданно – оказывается, что кого-то из них уже нет...

Мирра Вениаминовна Гордина. Понятно, одна из легенд филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Трудно сосчитать, сколько поколений студентов-романистов она обучила фонетике французского языка, наверное, самой сложной для русскоговорящих студентов (тут М. В. мне подсказала бы – есть литовский и латышский, есть проблемы в итальянском), сколько аспирантов и соискателей кафедры фонетики прошли её семинар по звуковым системам языков мира, ведь для начинающих фонетистов считалось если не обязанностью, то хорошим тоном слушать

все спецкурсы и спецсеминары, которые вели Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Н. Д. Светозарова, в некоторые годы – Л. Р. Зиндер.

Имя Мирры Вениаминовны становилось знакомым студентам-филологам, и не только романистам, в Ленинграде-Санкт-Петербурге, наверное, с первого курса. Если она не появлялась как преподаватель вводного курса французской фонетики, то о ней, как и о других сотрудниках кафедры фонетики, рассказывали своим студентам преподаватели кафедры русского языка, а Вера Федоровна Иванова, читавшая курс современного русского языка первокурсникам, приглашала специалистов-фонетистов прочесть свои лекции в рамках её программы. Именно так мы, студенты-русисты 1972–1977 годов, познакомились с Лией Васильевной Бондарко и Наталией Дмитриевной Светозаровой.

После первого курса, когда пишущему эти строки порядком надоело сдавать домашнее чтение по английскому языку на межфакультетской кафедре (за плечами школа с углубленным изучением английского с неизменным «5», которого хватило до госэкзамена и кандидатского минимума, и ни мы, ни наши родители ещё не знали, кому мы обязаны таким образованием), нам представилась возможность выбрать специализацию по программе русского языка как иностранного. Ещё один выбор – можно продолжать изучение английского языка, можно начать учить французский. Специальной программы по иностранным языкам для РКИ в те годы не существовало: занятия по языкам вели преподаватели кафедры английской филологии и кафедры романской филологии, курс подготовки не отличался от программ студентов английского и французского отделения, и соответственно учебная нагрузка увеличивалась где-то на 8–10 часов. Второй курс, первые занятия по французскому – и вот он, вводный курс фонетики французского языка. Его вела у нас Лилия Андреевна Багина – через год, в 1975 году она защитила кандидатскую диссертацию по французской интонации. Задолго до зачёта нас предупредили – принимать зачёт будет Мирра Вениаминовна, и всё будет непросто... Мы понимали – это серьёзно, но чтобы это было так непросто...

Мирра Вениаминовна самым внимательным образом выслушивала зачётные задания, ничего не комментировала и вообще никак не вмешивалась. Потом – кажется, попросив испытуемых удалиться на минуту – объявила свой вердикт: «Вот что-то похожее на зачёт у вас, – обратилась она к одной из двух наших девочек – и, немножко похуже у вас, – это ко мне. – Это то, за что я поставлю «три», даже с минусом. Остальные – приходите в другой раз, надо заниматься».

Далее следовал разбор, кто и что произносит вместо французских гласных и согласных. Почти у всех проявлялся первый изучаемый язык – английский, и без него французские гласные долго не могли занять своё место среди освоенных гласных.

К слову, в числе «остальных», кому пришлось пересдавать вводный курс, оказался будущий декан и проректор по направлению С. И. Богданов... Потом это стало сюжетом для воспоминаний:

– Мирра Вениаминовна, мне вы тройку с минусом поставили. А Сергей Игоревич (при присутствии – с указанием) второй раз прихотил... Мирра Вениаминовна неизменно отмечала:

– Конечно, не помню, надо записи посмотреть...

Спецсеминар «Фонетические системы», который вела М. В., открывался демонстрацией таблиц гласных и согласных и рассказом о кардинальных гласных Л. В. Щербы. При этом Мирра Вениаминовна озвучивала таблицы гласных и согласных в её собственном произношении, и говоря о гласных, подчёркивала: «Запомните, это гласные никакого языка. Таких гласных в языках мира нет. Они могли показаться вам похожими на немецкие, французские, английские, но реально гласные этих языков отличаются от кардинальных гласных». Тут стало понятно: описывая язык, надо давать максимально точную характеристику основных оттенков гласных и согласных.

Это был тот метаязык для описания звуков речи, который был создан Л. В. Щербой начале XX века в эпоху камертонов и кимографов. Знакомство с ним справедливо считается обязательным, ибо первый объект, с которым соприкасается речь на описываемом или изучаемом языке – это уши исследователя: спектрограф, осциллограф в лаборатории, домашний компьютер с программой Praat – это уже потом, в перспективе истории науки или в компрессии времени на рубеже XX и XXI веков.

На других занятиях его участники слушали дикторов – носителей разных языков, обсуждали, кто что слышит, а Мирра Вениаминовна объясняла, что же на самом деле произносит диктор... Это было исключительно полезно. Тогда же можно было познакомиться со звучанием китайских тонов – по крайней мере составить себе представление о них и уметь объяснить коллегам, чем отличаются «слоговые» языки от «неслоговых». В поле, при работе с носителями разных диалектов эвенского языка, а позже с эвенкийским, с чукотским, юкагирским, с калмыцким – моё внимание притягивали именно оттенки гласных и согласных. Позже полученные навыки и умения анализировать звуковые стимулы дали неожиданный результат. Оказалось – при усвоении звукового строя русского языка детьми до года эти дети произносят парные звонкие и глухие, потом – напряженные и ненапряженные, вслед за этим – аспирированные и не аспирированные, и наконец – распишитесь в получении: глоттализированные и неглоттализированные. Этакое маленькое устройство синтеза речи: какой из стимулов отождествят со звуками родного языка старшие? Попытка сравнить наблюдения с исследованиями по детской речи позорно провалилась – все исследователи, как отечественные, так и зарубежные, описывали усвоение системы фонем, а не овладение звуковой системой первого языка.

Этюд на эту тему был опубликован много лет спустя – в сборнике, посвящённом 70-летию Лии Васильевны Бондарко. В ответ на мой вопрос, что юбиляр думает об этой работе, Лия Васильевна сказала: «Все хорошо, но ведь это же не Ваши темы, как Вы к этому пришли?». Думаю, Лии Васильевне было приятно услышать, что это заслуги моих учителей, то есть самое Лии Васильевны и М. В. Гординой. Позже в ИЛИ РАН мне доведётся

услышать в докладе ещё одного из старших коллег такую фразу «Как известно (курсив мой. А. Б.) в речи ребёнка можно услышать звуки всех языков мира». Подумалось – а хорошо, что это известно...

1983 год. Закончена аспирантура в ЛО ИЯ – будущем ИЛИ РАН, написана кандидатская диссертация по эвенской грамматике. Мне в институте поначалу прочили будущее фонетиста, но – институт оказался совершенно не подготовлен к экспериментальным исследованиям: старое оборудование куда-то рассредоточилось, нового не появлялось – пришлось искать себе другое занятие внутри аспирантского формата. И тут – приглашение на курсы переподготовки офицеров запаса. Объясняю: заканчивал работу над диссертацией, преподаю – не могу. Слышу строгий ответ:

– Не можете сейчас, летом поедете на 6 месяцев с вашими языками куда-нибудь в Мары...

Ответ поразил издавшего виды капитана:

– С моими языками – согласен куда угодно и на сколько угодно.

Через несколько месяцев меня пригласили на курсы переподготовки переводчиков в Москву. В Военный Краснознаменный Институт. С английским языком оказался явный перебор: «Какой у вас второй язык? Французский? Вот его и будете учить».

Да, 80-е годы прошлого столетия – явно не «век гусарской чести», как сказал один бард – в бывшем Санкт-Петербурге нашёлся только один человек, кого послали учить французскому военному переводу...

Однако всё к лучшему. В учебном центре ВКИ под Москвой собралась замечательная компания (позже я узнал, что в нашей группе «французов» и японистов должен был быть «сам» С. А. Старостин, но руководство откомандировало его в Москву – работать над пособием по японской грамматике, а вот Олег Рыбачук из Киева, потом важная фигура при президенте Ющенко, занимался со всеми вместе). Погружение во французский язык методом сбрасывания кота с моста в реку, начавшееся с простенького аудирования французских числительных – первое упражнение по военному переводу на разных языках, вызвало сильный стресс, почти что конфуз – но стресс всё-таки прошел, и 4 часа французского языка стали казаться праздником. Главный повод для него – преподаватель, полковник В. П. Власов, бывший личный переводчик маршала А. А. Гречко. Не помню, как именно, но потом я стал вести с ним продолжительные беседы – натурально, по-французски... Как-то зашла речь об учебных пособиях, которые используются в ВКИ – понятно, это были учебники военного перевода, и оказалось, что фонетика там преподаётся по М. В. Гординой – во всяком случае, с её книгой работают преподаватели. Я сказал – очень хороший выбор, понимаю, преподаватель удивился – «Так Вы её знаете?» – пришлось рассказать, что не просто знаю, это одна из моих учителей. В свою очередь, М. В. было приятно узнать, что её книга используется не только филологами.

Мемориальный жанр требует представления биографии Мирры Вениаминовны. И тут выясняется странное – долгое время её биографии не было. Вспоминается цитата из сериала с В. Высоцким – Как это нет биографии? – Скромные страницы в Интернете:

«Выпускница романского отделения филологического факультета ЛГУ (1942–1947). В 1948 поступила на работу в ИЯМ. 10.VIII.1950 г. освобождена от работы в связи с ликвидацией бывш. Ин-та Языка и Мышления АН СССР с выдачей 2-х недельного выходного пособия».

Из автобиографии (1960): «В марте 1948 г. была принята на работу в Институт языка и мышления АН СССР на должность научно-технического сотрудника и работала в этой должности до августа 1950 г., когда была отчислена в связи с ликвидацией Института. За этот период сдала экзамены кандидатского минимума по специальности общая фонетика и приступила к исследовательской работе. Будучи сотрудником Института языка и мышления выполняла обязанности профорга, была членом месткома Института и работала агитатором на избирательном участке. В 1960 году защитила в институте (ЛО ИЯ) кандидатскую диссертацию «Основные вопросы фонетического строя вьетнамского языка». Даже статья в известной электронной «Ежевики», материалы которой иногда отличаются исключительной представительностью – тоже почти ничего в сравнении с Википедией.

Вот что-то похожее на истину: «Гордина Мирра Вениаминовна, родилась в 1925 году, доктор филологических наук, профессор кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков. В Университете с 1949 года. Специалист по общей фонетике, фонетике французского языка, истории фонетических учений. Преподаёт более 50 лет. Орденосеиц». Награды: медали «Ветеран труда», «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

Ещё одна короткая справка: «ГОРДИНА Мирра Вениаминовна (р. 1925, Ленинград), востоковед, языковед-фонетист, канд. филол. наук (1960), доц. (1964). Окончила филол. ф-т ЛГУ (1947). В 1948–50 науч. сотр. Ин-та яз. и мышления АН СССР; в 1951–53 преподаватель Иван. гос. пед. ин-та; с 1953 – преподаватель филол. ф-та ЛГУ».

В этой краткой справке ничего не сказано о событиях, связанных с преобразованием ИЯМа летом 1950 года, невольным свидетелем и участником которых стала М. В., зато есть уникальное указание – с 1951 по 1953 год Мирра Вениаминовна, как и другой выдающийся ленинградский лингвист – С. Д. Кацнельсон, жила и работала в Иваново. Кому-то не хочется вспоминать об этом – времена борьбы с космополитами. Каковы были космополиты, однако, какой масштаб личностей, какой вклад в науку – среди патриотов таких не находится... Уточним даты жизни Мирры Вениаминовны – 27 мая 1925 г., Ленинград – 6 марта 2018 г., Санкт-Петербург.

В последние два десятилетия филологический факультет СПбГУ отмечал юбилеи здравствующих профессоров выпусками небольших книжек с портретом биографией, перечнем основных работ, краткими заметками коллег о юбиляре. В поисках биографических материалов о М. В. Гординой мне не удалось найти ничего – ни подобной брошюрки, ни юбилейных статей в университетских изданиях до 2015 года – а ведь было 70-летие и 80-летие. Наконец, на 90-летие и затем и годом позже выходят две долгожданные брошюры, составителем которых была Н. Д. Светозарова [Профессор кафедры ..., 2015; Мирра Вениаминовна ..., 2016], содержащие краткую научную биографию, воспоминания самой Мирры Вениаминов-

ны, её коллег и учеников, список основных научных трудов (83 наименования), перечень спецкурсов, которые вела Мирра Вениаминовна, кандидатские диссертации, защищённые под её руководством, а также фотографии.

Так уж получилось, что личные контакты и встречи с М. В. у меня оказались связанными с какими-либо кафедральными мероприятиями – защиты диссертаций, конференции. Думая об апробации материалов для докторской диссертации, я напросился на доклад на фонетическом семинаре, который вела Л. В. Бондарко. Эвенский вокализм – интереснейшая страница в истории изучения фонетики языков Сибири в конце 1940-х годов и проблема, в чём-то нерешённая до сих пор. Когда я стал рассказывать о системе эвенских гласных, Лия Васильевна попросила меня:

– Покажите, пожалуйста, эти гласные в транскрипции Международного фонетического алфавита.

Просьба, честно признаться, застала меня врасплох, но я вспомнил занятия М. В. (жаль, что её на этом мероприятии не было):

– Лия Васильевна, честно скажу, боюсь что-нибудь напутать – лучше я покажу, как это произносится, а вы посмотрите характеристику, которая мне представляется. Экспериментальных данных всё равно нет и не предвидится.

Продолжение доклада превратилось в заседание слухового семинара, на котором специалисты слушали не «носителя языка», а исследователя. Тогда, кстати, родилась до сих пор не осуществлённая идея зафиксировать речь лингвистов на изучаемых ими языках народов Сибири и создать соответствующую базу данных – ох, что бы мы получили, можно было бы изучать ненецкую речь финнов, хантыйскую речь венгров, чукотскую речь японцев и французов, тунгусо-маньчжурские языки, озвучиваемые японскими исследователями – да и сами мы, знаете, не лаптем щи едим...

Ещё один эпизод тех лет. С весны 1992 года по осень 1994 года мне довелось жить и работать на Чукотке. Эвенский язык как объект мне стал неинтересен: я вёл на нём страницу в газете и иногда выступал на радио и телевидении. Хотя у нас в институте не поощрялось изучение «чужих» языков, которыми уже кто-то занимается, я решил хотя бы немного освоить чукотский язык, по описанию, вызывавший невиданный страх. Чукотская речь звучала на радио, на этом языке говорили преподаватели и слушатели курсов в Институте усовершенствования учителей. В общем, стало ясно – грамматика чукотского языка проще, чем она представлена в изложении П. Я. Скорика (позже попала на глаза фраза В. Г. Богораза из романа «Воскресшее племя»: «Чукотский язык он изучил до крайности плохо»), а фонетика пусть и не так проста, но изящна и красива. Один коллега, в ответ на какие-то мои соображения, сказал:

– Там пять ступеней подъёма гласных!

После теории и практики в исполнении М. В., помноженной на полевой опыт, пришлось ответить так:

– Интересно, где там пять ступеней подъёма, если гласный э второго ряда (по определению более открытый) в слове вэтгав «слово, язык» зву-

чит почти как французское *é* – *e* закрытое, как же тогда должны реализоваться остальные гласные? Дискуссия продолжения не получила, альтернативное описание чукотского вокализма света не увидело. Этого не жаль. Жаль того, что до сих пор не описано чукотское ударение: автор и участвовавшая в беседе на эту тему И. А. Муравьева в 2000-е годы обратили внимание, что в некоторых чукотских словоформах наблюдается понижение тона на одном из слогов – и это парадоксальное явление может остаться без описания.

Что касается защиты докторской диссертации, мой выбор специальности был однозначен – только теория языка. Это предполагало защиту на филологическом факультете СПбГУ, и это давало шанс предстать перед своими учителями в новом качестве. Кое-кто в отделе алтайских языков смотрел на это с иронией, но напоминать всем известную фразу, что кому-то терновый куст – дом родной, не хотелось. Лия Васильевна уже думала о том, что М. В. могла бы стать моим рецензентом на кафедре фонетики – но этого не сложилось: моя диссертация по филологическим наукам была выполнена на кафедре общего языкознания под опекой Л. А. Вербицкой и защищена в июне 2001 года.

Получение докторского диплома, пришедшееся на лето 2002 года, с задержкой (у владельца. убеждённого противника именования «с отчеством» была допущена ошибка в отчестве), означало новые формы сотрудничества с кафедрами и советом. В 2003 году мне довелось оппонировать на защите докторской диссертации Л. Д. Раднаевой по проблемам фонетики бурятского языка (работа, не понятая почти всеми официальными экспертами и так и остающаяся непонятой специалистами) и вскоре – присутствовать на долгожданной защите докторской диссертации М. В. Гординой «История фонетических исследований: от античности до возникновения фонологической теории». Это было действо, давно ожидаемое всеми. Полный зал – аудитория 25 филологического факультета, блестящее выступление соискательницы, солидные и неформальные отзывы оппонентов. Когда пришло время поздравлять М. В. с успешной защитой, председатель диссертационного совета Л. В. Бондарко с изящной улыбкой спросила меня – Лёша, почему же Вы не выступили? – пришлось скромно сказать, что на таких защитах мы пока ещё должны скромно сидеть в уголке, слушать и наблюдать... (Интересно, а когда в этой аудитории появится портрет Мирры Вениаминовны? Время пошло, наблюдаем...).

Когда эта диссертация была издана под тем же названием в 2006 году, стало ясно – это подлинная фонетическая энциклопедия, уникальный труд, потребовавший огромного труда и невероятной эрудиции. Автор подарила два экземпляра книги сотрудникам ИЛИ РАН – директору, Н. Н. Казанскому, и мне. Драгоценный дар. Классика науки.

После этих событий – диссертация и книга М. В. раскрыли её коллегам как специалиста по истории и теории письма – у меня появился новый повод для постоянных дискуссий с Миррой Вениаминовной: какие системы письма более фонологичны, что лучше отражает представления пишущих о звуковом строе языка – славянские азбуки с их соотношением – одна

фонема – одна буква, или германские и восточноевропейские алфавиты, в которых одна фонологическая единица обозначается устойчивыми комбинациями нескольких графических знаков или графических фигур, которые, как и знаки с диакритиками, не всегда считаются отдельными буквами (почему немецкие ö, ü, ä, французские é, è, ê, ё и т. п. буквами не считаются, а финские ä, ö – считаются; почему русское ё вовсе факультативно в употреблении, в отличие от своей французской «мамы», но именуется «буквой Ё», почему английские ch и ll не имеют буквенного статуса, а те же сочетания графическим знаком в испанском алфавите – это особые буквы). Эти дискуссии не имели целью определить, кто прав – скорее они позволяли обеим сторонам систематизировать и накапливать аргументы в пользу той или иной точки зрения.

И ещё две картинки в память о Мирре Вениаминовне. Она дала нам понять: между речью студента на зачёте и речью под действием интерференции нет принципиальной разницы в объекте исследования. Неожданное следствие – изучая язык, лингвист может освоить не только его эталонную форму, но и субстандарты – не вместо её эталонной, идеальной формы, а вместе с ней. После приобретения опыта слушания английской речи французов и франко-канадцев, для которых всегда предпочтительным оказывается говорить с нами по-французски, нежели по-английски, я выработал для себя своего рода стратегию речевых действий в условиях коммуникативного дискомфорта. Увы, хорошо известно и как ни прискорбно – французский язык на улицах Санкт-Петербурга уже давно не слышен, и как говорят, старые книги на французском языке, когда-то занимавшие целые полки в антикварных магазинах, исчезли – нет, не «в лавку, на обертки» как распорядился армянский купец в грузинской пьесе, они благополучно вернулись в Париж на набережные Сены. В ситуации, когда мне не хочется устанавливать контакт со случайными встречаемыми, я говорю: «*Je ne comprends pas Russe*», – на чём диалог и замирает. В ответ на попытку перейти на английский – вот она, школа кафедры фонетики! – я начинаю говорить по-английски с имитацией французского акцента. Обычно двух-трёх фраз достаточно для того, чтобы диалог прекратился. Но все-таки психология общения на втором-третьем языке не изучена. Один уличный художник, услышав моё *Je ne comprends pas Russe*, серьёзно спросил:

– Жапанис?

До сих пор удивляюсь собственной реакции: на каком-то автомате, не сняв языковой маски, я ответил:

– Non, non, Chinois.

Что подумал рисователь портретов – осталось неясным.

И ещё один этюд. Фонетика безгранична и предмет её неисчерпаем. Аккумулируется в памяти языковой опыт, наблюдения, интерферирующая речь входит в лингвистический быт и отражается в озвучиваемых формах воспроизведения текста. Два года назад на ГЭК на кафедре фонетики СПбГУ, где я был председателем комиссии, была представлена работа, посвящённая фонетическим средствам имитации кавказского акцента в

советских и российских кинокомедиях. Хотя сочинение и было удостоено отличной оценки, похоже, оно комиссию не впечатлило. Давая свою оценку работе, я сказал, что воспроизведение акцента в звучащих формах культуры – тема неисчерпаемая. И тут я решил созорничать – не знаю, смог бы я решиться на такое в присутствии М. В., но... – и произнёс свой любимый монолог (вот уж не думал, что придётся изобретать для него транскрипцию).

Ви бы знали, какие у меня были инфоРманты, котоРые поставили мне произношение. БоРис Моисеевич ВольпеРт, отец моего одноклассника. Ви знаете, в девятом классе я как-то пРихожу ним в гости, вижу на этажерке маленькую книжку – Это что? – спРашиваю, – а мне говоРят. Это наш племянник Ёзик, это его стихи, и его хотят посадить. – За что же его сажать? – Спрашиваю я – Это же хорошие стихи! – Ми тоже не знаем – говорят мне. – Ви, наверное, не знаете этого племянника Ёзика, у наго такая Расхожая евРейская фамилия – тут по домашней ситуации была сделана вставка – он вот там стоит во двоРе, голова на чемодане, – его фамилия БРодский. Иногда не верят – а это правда, двоюродный брат поэта Александр Вольперт учился в нашем классе.

Это ещё не все. Когда я однажды прочитал этот монолог своей знакомой из Новоград-Волынска, она всплеснула руками: «Боже мой! Такой идиш-интерференции даже у нас уже нет!». Удивительно – фонетическая практика может оказаться памятником культуры.

Как известно, в курсе фонетики, и понятно, французской, заметное место отводится стихами песням. Для меня осталось загадкой – когда как-то на кафедре фонетики зашёл об этом разговор и я упомянул имя Джо Дассена. Думаю, многие согласятся с тем, что изучать французский язык по его текстам, как английский – по Фрэнку Синатре – большое удовольствие. Мирра Вениаминовна, услышав имя Джо Дассена в контексте французской фонетики, сделала какое-то странное лицо и деликатно вышла из разговора. Наверное, каждый имеет право на свои ценности и на собственные преференции...

В последние годы жизни круг тех, кто общался с Миррой Вениаминовной и лично, и по телефону, сильно сузился – это были её ближайшие ученики и коллеги с кафедры. Так она уходила – тихо, почти незаметно, и ушла навсегда. Остались её замечательные труды (здесь приведу работы, оказавшие на меня самое большое влияние).

Библиография Мирры Вениаминовны Гординой (Mirra Veniaminovna Gordina's list of works)

1. Гордина, М. В. Фонетика французского языка. – 1-е изд. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 208 с.
2. Белякова, Г. А., Виллер, М. А., Гордина, М. В. Фонетика французского языка : учеб. пособие. – Л. : Просвещение, 1978. – 240 с.
3. Бондарко, Л. В., Вербицкая, Л. А., Гордина, М. В. Основы общей фонетики. – 1-е изд. – Л., 1983.

4. Бондарко, Л. В., Вербицкая, Л. А., Гордина, М. В. Основы общей фонетики. – 4-е изд., испр. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 160 с.
5. Гордина, М. В., Быстров, И. С. Фонетический строй вьетнамского языка. – М. : Наука : Главная редакция восточной литературы, 1984. – 243 с.
6. Гордина, М. В. История фонетических исследований (от античности до возникновения фонологической теории). – СПб. : Издательский дом Санкт-Петерб. гос. университета, 2006. – 537 с.

Награды Мирры Вениаминовны Гординой (Mirra Veniaminovna Gordina's Awards)

1. Медаль «Ветеран труда» (Medal «Veteran of Labor»)
2. Медаль «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (Medal «In commemoration of the 300th anniversary of Saint-Petersburg»)

Список литературы

1. Профессор кафедры фонетики Санкт-Петербургского университета, доктор филологических наук, Мирра Вениаминовна Гордина [Текст] / сост. Н. Д. Светозарова ; кафедра фонетики СПбГУ. – СПб. : Филолог. фак. СПбГУ, 2015. – 52 с.
2. Мирра Вениаминовна Гордина. Воспоминания студентки Ленинградского университета [Текст] / сост. Н. Д. Светозарова. – Санкт-Петербург, 2016. – 48 с.

References

1. Svetozarova, N. D. (Compiler) (2015). Professor kafedry fonetiki Sankt-Peterburgskogo universiteta, doktor filologicheskikh nauk, Mirra Veniaminovna Gordina [Professor of the Phonetics Department of Saint-Petersburg University, Doctor of Philological Sciences, Mirra Veniaminovna Gordina]. Philological Faculty, the Department of Phonetics. St-Petersburg : St-Petersburg State University Press.
2. Svetozarova, N. D. (Compiler) (2015). Mirra Veniaminovna Gordina. Vospominaniya studentki Leningradskogo universiteta [Mirra Veniaminovna Gordina. Memories of a student of the Leningrad University] / sost. N. D. Svetozarova. St-Petersburg.